

Между нами вырастут горы

Тору Мотидзуки

После их возвращения из Цитадели Птиц прошло меньше недели, и вот им уже снова нужно было собираться в дорогу. Затянувшийся отпуск закончился, и в Пекине его ждали многочисленные дела, которые он отложил ради поездки в монастырь. Но оставаться в Линь Ян Шо и дальше больше не было возможности, поэтому уже на следующий день, они должны были покинуть свой уютный домик и сначала отправиться в деревню, затем в Лхасу, а из нее, как обычно, самолетом в Пекин.

В новом доме они прожили совсем недолго, а Тору уже жалко было его оставлять до их еще совсем не скорого возвращения. Плюс ко всему, сборы еще больше омрачились нехорошим самочувствием Яреци, из-за которого он отправил ее сегодня утром в лазарет, в то время как сам пошел на последнюю запланированную тренировку для нескольких учеников, которую уже никак не мог перенести или отменить.

Практически все занятие он только и думал, что о здоровье жены, поэтому как только из виду скрылся последний ученик, он быстро убрал весь инвентарь и чуть ли не бегом направился в сторону дома, где, как они договаривались, его должна была ждать после посещения лазарета Яреци. У входной двери он ненадолго притормозил, набираясь смелости, а затем распахнул ее и оказался в прихожей, надеясь, что все его опасения беспочвенны, и бодрая, здоровая и веселая жена сейчас выбежит навстречу и радостно повиснет на его шее.

Яреци Фернандез

Утро началось из-за не очень хорошего самочувствия, и Тору отправил ее в лазарет. Она была уверена, что ничего страшного и критичного в этом нет, но посетить врачей ей казалось правильным. Потому что завтра утром они должны выдвигаться в путь, чтобы поздним вечером оказаться в Пекине. У Тору была работа, которую он никак не мог бросить, а ее ждала цивилизация. И нормальная больница, в которой она будет наблюдаться. Не то чтобы она не доверяла монастырским врачам, просто ей казалось, что в каких-то моментах оборудование и современные технологии больше помогут, чем лечение энергией. Она, конечно, была уверена в благоприятном исходе родов, но вот рожать ей больше хотелось в специальном кресле с оборудованием.

Как и оказалось, ничего серьезного в ее организме дежурный врачеватель не нашел, но, к сожалению, ей посоветовали отказаться от перелета. Хотя бы на неделю. Это сильно огорчало, потому что для Тору это был последний день, чтобы вернуться к работе, и она не хотела, чтобы из-за нее он потерял эту работу. Она знала, что ему это нравилось, да и знала, что он готовил какие-то материалы для книги.

Она вернулась домой раньше Тору и заварила чай. Есть не хотелось, да и было грустно расставаться. Пока чай настаивался, она перебрала вещи, которые Тору должен был взять с собой в столицу.

Вскоре пришел любимый, и она улыбнулась. Вышла к нему и, постояв несколько секунд и подождав пока он разделенется, обняла его. Крепко-крепко. Потом отстранилась и поцеловала его в щеку.

- Привет, любимый. Сильно устал? Много учеников было? - Она на мгновение осеклась. - Мне запретили пока ехать. В смысле, ничего серьезного нет, но лучше пока никуда не отправляться. Даже в деревню. Я... мне очень жаль, но не будем вешать нос, милый. Хорошо? - Она снова его крепко обняла, а потом поцеловала в губы.

Тору Мотидзуки

К его радости, Яреци действительно вышла ему навстречу и, как только он разделся, бросилась обниматься, показывая, что его опасения были напрасны. Она выглядела здоровой и ничуть не испуганной, как было бы, скажи ей кто-нибудь о серьезных проблемах и возможной угрозе для ребенка, а значит, все было хорошо, и они могли насладиться последней ночью под крышей их уютного домика, а утром отправиться в путь.

По крайней мере, так думал Тору ровно до того момента, как она начала говорить, поскольку слова жены оказались как раз тем, чего он так боялся и о чем предпочитал не думать, возвращаясь с тренировки.

-Яреци, ты же понимаешь что я не смогу подождать еще неделю, как и быстро вернуться за тобой, если тебе разрешат дорогу до Лхасы и перелет? - Вопросы про учеников и усталость Тору просто проигнорировал, как и попытку девушки утянуть его в долгий поцелуй, от которого он оторвался практически сразу, как его коснулись губы жены. - И даже если я сразу попробую уволиться, мне понадобится какое-то время на закрытие всех своих дел, а это может затянуться на достаточно долгий срок.

Он не понимал, почему Яреци так спокойно воспринимает его скорый отъезд и, как и в случае с возвращением в Китай из Японии, пытается убедить его в том, что это абсолютно нормально. Ведь здесь, в отличие от первого случая, пропадала возможность даже связаться по телефону, полностью исключая какое-либо общение до его возвращения, в случае, если ей так и не разрешат ходить в деревню. С его точки зрения, это была настоящая катастрофа, но, наверное, он из-за своей ненормальной привязанности к жене, сильно раздувал проблему и должен был относиться к происходящему, как к небольшой вынужденной разлуке, которая когда-нибудь закончится новой встречей. Должен... Но не мог.

Яреци Фернандез

Ее новости ему абсолютно не понравились, и она удрученно вздохнула. Опустила голову и отошла от него. Он даже не стал отвечать на ее поцелуй, да и обнимать не стал.

- Да, я все прекрасно понимаю, любимый, - ответила девушка. - Но не ты ли мне говорил, что надо перестать думать о себе и начать думать о малышке? Мне сказали, что я могу отправиться с тобой в этот путь, но... под свою ответственность. Ты же не хочешь, чтобы что-то случилось?

Ей было очень жаль, что так получилось, она действительно хотела всегда поддерживать своего любимого во всех его начинаниях, быть холодными вечерами рядом с ним, согреть его, разговаривать с ним. Но у нее не получится, и это ее очень сильно огорчало.

- К сожалению, ты прав, мы не сможем общаться, но ведь есть люди... та же Маргарита, например. Она ездит в Пекин, она может тебе передавать от меня сообщения. Или... в деревне же есть связь, я буду туда каждый день спускаться в одно время и звонить тебе.

Она понимала, что ее слова не значат абсолютно ничего, и она не знала, что делать. Ей хотелось поехать с любимым в Пекин, ей хотелось быть с ним, но он был прав - он не мог просто так все бросить и остаться с ней. Что же делать? Она не хочет больше страдать, она не хочет, чтобы страдал любимый, она не имеет права сейчас плакать, потому что воздух уже сильно напряженный. Она чувствовала, что ее неосторожное слово может все разрушить. Они могут поссориться, но она не хотела, чтобы все так закончилось.

- Проходи на кухню, я чай вкусный заварила, - она прислонила ладонь к его щеке и заглянула в его глаза.

Тору Мотидзуки

Самое отвратительное заключалось в том, что на этот раз Яреци была абсолютно права в своем решении лишиться раз не рисковать и подумать о здоровье их дочери. Но от этого Тору было ничуть не легче, как и от ее неисполнимых обещаний ходить каждый день в деревню, чтобы с ним созвониться. Да он бы и сам этого не одобрил, будь такое возможно, поскольку подобной переход в ее положении и без его защиты и поддержки сам по себе был риском, которого она хотела избежать, оставаясь в монастыре.

- Я все понимаю, - Тору не нашелся, что еще сказать и, недолго постояв напротив Яри, которая то ли пыталась его успокоить, то ли ждала какой-то конкретной реакции, заглядывая ему в глаза, предпочел уныло отправиться в сторону их небольшой кухни. Он не хотел чай, да что там, сейчас он вообще ничего не хотел, но поскольку найти подходящих слов он не мог, то предпочел молчать, делая вид, что очень озабочен проблемой разливания чая по чашкам, стараясь не смотреть на жену.

Он знал, что она поступает правильно, и что ему следовало бы вести себя совсем иначе: обещать светлое будущее, фонтанировать оптимизмом, постараться выжать максимум из оставшегося у них времени, а не сидеть с кислым выражением лица. Но пока он не мог справиться с обуревающими его эмоциями, поэтому просто поставил две чашки с чаем на стол, занял свое обычное место и начал наблюдать за движением чайного листочка, случайно попавшего в его чашку из заварочного чайника. Ему было нужно время, чтобы взять себя в руки и начать вести себя не как ребенок, у которого на неопределенный срок забрали все игрушки, а взрослый мужчина, отвечающий за свою семью.

Яреци Фернандез

Он ничего не сказал и ушел на кухню, где начал разливать чай по чашкам. Девушка постояла какое-то время в коридоре и, глубоко вздохнув, бесшумно направилась следом. Остановилась на пороге кухни, глядя на его профиль, задумчивый и грустный. Он выглядел очень грустно, и это ей совсем не нравилось.

Она на секунду даже обвинила себя в том, что не может позаботиться о любимом, которому тяжело и совсем не хочется лететь туда в одиночестве. Он оставался путником, который хоть и нашел свою цель в жизни, не мог долго оставаться на одном месте. Она винила себя, что заболела именно сейчас. Потому что в другом случае, если бы не почувствовала недомогание, смогла бы отправиться с любимым в его поездку. Хотя вполне могли оказаться подводные камни - она не могла гарантировать, что в этом бы случае все прошло хорошо.

От внезапной мысли, что ей могло стать хуже во время перехода в деревню или по пути в Лхасу, а то и вообще в самолете, она сильно вздрогнула и почувствовала внезапное головокружение. Прислонилась плечом к стене и закрыла глаза.

Найдя в себе силы успокоиться, она вздохнула и посмотрела на мужа, который все так же сидел, опустив голову, сгорбившись и отсутствующим взглядом глядя в чашку с чаем. Сизая струйка пара поднималась от чашек вверх, сталкивалась с потолком и растворялась в воздухе. Нужно что-то делать. Нужно поддержать его, поговорить с ним. Помолчать с ним рядом. Но не стоять "в километре" от него, глядя на его мучения. Но она не знала, что делать. Вдруг сейчас его нужно оставить одного и заняться насущными делами? Или, наоборот, нужно поговорить с ним? Что будет правильным?

Она тихо подошла к нему и, положила руки на его плечи, в очередной раз порадовавшись своей сообразительности приобрести стулья. Нормальные европейские стулья. И стол. Хотя в данной ситуации радоваться было нечему. Все было очень печально.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не нашла подходящих слов. Она просто стала слегка массировать его плечи, спускаясь вниз по позвоночнику к лопаткам.

- Пожалуйста, не молчи, родной... - тихо проговорила она ему на ухо...

Тору Мотидзуки

Какое-то время он просто сидел, уставившись в свою чашку и размышляя над тем, что ему следовало делать дальше. Наверное, стоило собрать оставшиеся вещи и пойти найти Джуна, чтобы в очередной раз попросить позаботиться о его жене, раз он сам был не в состоянии этого сделать и договориться, когда тот сможет ему звонить с отчетом о происходящем. Тору не нравилось постоянно нагружать племянника своими проблемами, но ему просто больше не к кому было обратиться, поскольку обзавестись сколько-нибудь устойчивыми связями с другими обитателями монастыря он так и не удосужился.

Пока он размышлял о невеселых перспективах будущего, Яреци подошла сзади и начала массировать его плечи, в очередной раз напоминая, что подобное приятное

времяпровождение уже с завтрашнего дня станет ему недоступно. Но, понимая, что он не должен ныть, как капризная девочка, Тору оторвал взгляд от чашки и последовал просьбе жены хоть что-то сказать.

- Яри, ты все правильно решила, - он так и не нашел в себе сил обернуться и посмотреть на жену. — Ничего не поделать. Главное, в мое отсутствие будь аккуратна и, в случае необходимости, не жди до последнего и обращай за помощью. А я постараюсь разобраться с работой как можно быстрее. Все равно, ты до рождения ребенка, наверняка, не сможешь попасть в Пекин, поэтому мне нужно будет закрыть все свои дела и, если будет такая необходимость, уволиться.

Тору прекрасно понимал, что никому не нужен работник, который большую часть года болтается непонятно где, поэтому снова собирался переводить все, что возможно, на дистанционную работу, пусть это и было сопряжено с рядом трудностей.

Яреци Фернандез

- Любимый, - вздохнула девушка, обнимая его за шею и нежно целуя в затылок, - я буду осторожна. Я очень надеюсь, что смогу все-таки поехать к тебе. Я... буду доставать врачей, чтобы они дали мне все необходимые рекомендации. Я... очень боюсь, что... ты не будешь рядом в день рождения нашей малышки, но, пожалуйста... не бросай из-за меня работу. Я вижу, что она тебе нравится. Я не хочу, чтобы ты бросал из-за этой ситуации то, что тебе нравится. Пожалуйста, не беспокойся о нас. Я... как только мне станет настолько хорошо, чтобы лететь на самолете я тебе обязательно сообщу...

Она замолчала и снова поцеловала его, на этот раз в висок. Она хотела как-нибудь развеселить его, поднять ему настроение, чтобы этот вечер прошел хорошо. Ей хотелось, чтобы завтра утром он проснулся в прекрасном настроении, позволил ей проводить его хотя бы до ворот, от которых петляет тропинка, ведущая в деревню.

Он так и не притронулся к чаю и не ответил на ее вопрос, как у него прошла тренировка с учениками. Она не стала напоминать ему об этом, решив, что лучше просто посидеть и помолчать.

Тору Мотидзуки

С точки зрения Тору, надеяться на возможность перелета на еще более поздних сроках, чем сейчас, было наивно. Как и рассчитывать на то, что он разрешит Яреци лететь одной, без присмотра того, кому бы он мог полностью доверять. Тору понимал, что девушка просто хочет его как-то успокоить, но в ее стараниях не было особого смысла, поскольку ничего из того, что она могло сказать, не было в состоянии изменить того факта, что он снова оставался один, в то время как самые важные моменты в их маленькой семье грозились произойти без его участия.

- Яреци, мне, может, и нравится моя работа, но жить с тобой нравится намного больше. Работу я могу в любой момент поменять, как делал уже много раз, а как мне жить дальше, если из-за всей этой кутерьмы я потеряю тебя? - Тору, наконец, повернулся, чтобы встретиться взглядом с женой и взять ее за руку. - Или тебя устраивает муж, который формально есть, но которого постоянно нет рядом? Ведь в

какой-то момент ты можешь понять, что тебе вполне подходит жизнь и без меня, потому что другой ты уже просто не представляешь. Постоянные разлуки еще ни для одной семьи не закончились добром.

Тору замолчал и опустил голову, рассматривая маленькие тонкие пальчики девушки. Наверное, с этой своей любовью он больше походил на помешанного, не представляющего своей жизни без любимой женщины и безумно боящегося ее потерять, что подходило глупому юнцу, а не зрелому мужчине. Но он просто ничего не мог поделать со своими страхами, особенно после разговора с Моррисом и его рассказов об отношениях с женой. И как бы Тору не уважал тестя, он бы дорого отдал, чтобы никогда не оказаться на его месте.

Яреци Фернандез

Никакой позитивной ноты не получалось, и запах депрессии постепенно наполнял эту маленькую уютную кухню. Девушка покачала головой и сглотнула. Она не знала, как прокомментировать его слова, нужно ли вообще это делать или лучше что-то сказать? Ей не хотелось грустить, бояться, плакать. Она хотела, чтобы они наконец-то нашли в себе силы двигаться дальше. Любить и быть любимыми. Радоваться рассветам и закатам. Просто наслаждаться обществом друг друга. И ждать. Она будет его ждать. Столько, сколько потребуется.

- Любимый, - сказала она, с болью отметив про себя, что он ее называет по имени. Мама тоже называла папу по имени, а потом они развелись. Неужели это произойдет и с ними? Что делать, если они сейчас поссорятся? Если они не смогут быть вместе? Ладно она - у нее есть папа, который ее поддержит, но он? Кто будет с ним? Кто протянет ему руку помощи, когда он увязнет в болоте, или кто укроет одеялом, когда ему станет холодно? Что им делать?

- Я очень сильно тебя люблю. Я очень сильно буду скучать, но... что ты предлагаешь? Ты предлагаешь бросить свою работу и остаться здесь, в этом монастыре? Тору, я уверена, что через две-три недели смогу поехать в Пекин. Что ты там будешь делать? Любимый, ну почему это все происходит с нами?

Она села на его колени и взяла его лицо в ладони. И с нежностью и любовью посмотрела в его глаза. Хотела поцеловать, но испугалась, что он снова отстранится от этого.

Тору Мотидзуки

И снова Яреци говорила разумные вещи, в то время как он сам продолжал вести себя глупо, расстраивая ее и никак не решая имеющуюся проблему. Тору злился сам на себя за то, что не может переступить через собственный эгоизм и показать жене, что все будет хорошо и никакое ожидание не сможет испортить их отношений. Но так до конца и не мог взять себя в руки, хотя и пытался не накалять ситуацию, портя их последний день, который они могли провести вместе перед разлукой.

- Яри, я понимаю, что веду себя как последний дурак. Но это просто потому, что мой разум совсем отшибло, когда я тебя полюбил. Ты права, я не буду горячиться и подожду пару недель. Попрошу Джуна мне позвонить. Если все будет нормально, я, как смогу, вернусь и заберу тебя с собой. Если же нет... - Тору внимательно

посмотрел на жену, забравшуюся к нему на колени, - просто вернусь.

Если бы для него больше не было других вариантов кроме как оставить свою работу, чтобы проводить время с семьей, Тору бы не задумываясь сделал это. Он не цеплялся за конкретное место и не гонялся за карьерой, понимая, что она не сделает его счастливым, как не могла сделать это и тринадцать лет назад.

- Яреци, прости за то, что тебе приходится меня успокаивать. - Тору приблизился и поцеловал девушку, стараясь реабилитироваться за их не самую теплую встречу, после его возвращения с тренировки. В этом было намного больше смысла, чем в душевных терзаниях и печальных мыслях о будущем. И уж точно намного больше удовольствия.

Яреци Фернандез

Любой человек может проявлять слабость, это нормально. Она никогда раньше не думала, сто папа может кому-нибудь показать свои слезы сломленной жизнью и судьбой старика. Она всегда видела папу веселым, добрым, заботливым. Да, он иногда ругал и наказывал, он дрался, но вот то, что произошло полтора месяца назад до сих пор не могло удалиться из ее памяти. И сама причина была не так важна. Вот и сейчас Тору выглядел не самым лучшим образом. Она внимательно смотрела на него, и ей казалось, что он ненавидит себя за свою слабость.

- Все будет хорошо, любимый, - девушка все-таки отняла руки от его лица и поцеловала его в нос. Потом взяла за руку и крепко сжала двумя руками. - У нас все будет хорошо. Не переживай, мы же не роботы, чтобы у нас не было эмоций.

На этом он начал ее целовать, и она отпустила его руку, чтобы позволить ему обнять себя. Она хотела еще много чего сказать, но его нежные поцелуи, покрывающие ее лицо и шею, были важнее тысячи слов. Она воспользовалась моментом, когда он ненадолго остановился, и поцеловала его в губы. Она очень хотела, чтобы остаток последнего дня перед долгой разлукой прошел весело, интересно, хорошо. Чтобы не было слез, разочарований и обид.

Тору Мотидзуки

До того момента, как он начал целовать Яреци, девушка продолжала пытаться его успокоить, обещая что все будет хорошо, и они со всем справятся, но как только его губы заскользили по ее щеке, слова стали просто не нужны. На какой-то момент он практически забыл о грядущей разлуке, но, помимо скорого отъезда в Пекин имелся еще один фактор, заставляющий немного поумерить его пыл - утреннее недомогание жены, вспомнив о котором Тору с протяжным стоном оторваться от приятного занятия и откинуться на спинку стула.

- Да что же за невезение такое! - он практически скрипнул зубами от злости. - Если жизнь пытается научить меня терпению и выдержке, то я ее об этом не просил. Ну, может когда-то и просил, - Тору вспомнил свои многочисленные и не слишком эффективные тренировки по контролю над эмоциями, - но уж точно не сейчас.

Чтобы как-то понизить общий градус происходящего он ухватился за чашку с уже остывшим чаем и сделал несколько больших глотков. К сожалению, ожидаемого

эффекта не получилось, и Тору, скривившись, поставил чашку на стол и перевел взгляд на жену.

- Не повезло тебе с мужем. Вечно ему по жизни покоя нет.

Самое интересное заключалось в том, что большинство знакомых считало его очень сдержанным и спокойным человеком из-за привычки скрывать свои эмоции под маской отстраненности. И лишь самые близкие люди знали о его постоянных глубинных переживаниях и склонности к импульсивным поступкам, благодаря которым от стал мужем восемнадцатилетней девушки и готовился в скором времени стать отцом.

Яреци Фернандез

Ну почему нельзя просто наслаждаться жизнью и радоваться последним часам перед долгой разлукой? Почему нужно накручивать себя и страдать? Она хотела, чтобы этот вечер, пока еще день, но уже клонящийся к закату, становился грустным и унылым.

- Успокойся, милый, ты очень терпеливый. Наверное, даже слишком. Ты же... терпел мои истерики, чаще необоснованные. Ты меня утешал и давал мне надежду, что дальше будет все хорошо и прекрасно, что вслед за черной полосой придет светлая. Я... тебе очень благодарна... - Она снова взяла его лицо в свои ладони и ласково улыбнулась. - Ты, наверное, не веришь в это, но я верю в силу убеждения. Повтори за мной "у нас все будет хорошо". У нас все будет прекрасно, милый, и разлука не будет долгой. Я сделаю все возможное, чтобы поскорее встретиться с тобой.

Она поцеловала его в губы и на некоторое время отстранилась, и он воспользовался этим, чтобы выпить чаю. Но чай уже остыл.

- Заварить новый чай? Или... посидеть с тобой? - Спросила она.

Тору Мотидзуки

Попытка Яреци убедить его в повышенной терпеливости вызвала у Тору кривую усмешку. Сам он не имел на этот счет особых иллюзий, а его умение держать себя в руках в ситуациях, когда жена впадала в состояние, сильно напоминающее истерику, считал проявлением любви, а уж никак не терпения. Но она вполне могла иметь на этот счет свое мнение, поэтому он не стал с ней спорить или убеждать в неправоте.

Судя по ее поведению, Яри так до конца и не поняла, по поводу чего он психанул в последний раз. Наверное, у нее и проблем таких не возникало, раз она могла сидеть и целоваться с ним чуть ли не часами, полагая, что этим вполне можно и ограничиться, но в его организме все было устроено немного иначе, поэтому часть попыток жены его успокоить постепенно начинала приводить к обратному эффекту.

- Нет, не надо заваривать чай, я все равно не хочу пить. Наверное, сначала стоит закончить сборы. Вытащить твои вещи, которые мы уже успели положить и забить все сумки моими... - Тору ненадолго замолчал, мысленно представляя печальную

картину предстоящих сборов, а потом, все-таки добавил еще несколько слов, чтобы не расстраивать жену. — Я знаю, что все будет хорошо. Но что поделать, за последнее время я привык к хорошему и стал жадным, поэтому практически разучился ждать.

После их двухмесячной разлуки Тору обещал себе, что никогда больше не оставит жену на длительный срок, а сейчас из-за стечения обстоятельств ему приходилось это обещание нарушать, что как-то не добавляло ему энтузиазма, несмотря на все попытки подойти к возникшей проблеме рационально.

Яреци Фернандез

- Я уже перебрала вещи, которые тебе необходимо взять. Я положила пару тёплых свитеров, на случай холодов. И тёплый шарф. Помнишь, мы как-то покупали в деревне шарф, я его тогда пыталась на тебе примерить?

Это было несколько дней назад в очередную вылазку на деревенский рынок. Теперь их маленьких уютных домик стал постепенно походить на жилище, которое обитаемо, а не на собачью конуру. Ей нравилось вместе с мужем возиться со всякими мелкими сувенирчиками и предметами интерьера, переставляя их с одного места на другое, ища компромиссы, чтобы место огромному деревянному слонику, подаренному как-то папой, было удобно для всех членов семьи Мотидзуки-Фернандез. И хоть Яреци полностью поменяла свою фамилию, во всех документах она теперь была синьориттой Мотидзуки, всё равно она оставалась Фернандез. По крайней мере, свою подпись она не меняла.

- Тору, - вздохнула она, почувствовав, что молчание, такое неловкое и неуместное здесь, сильно затянулось, - ты же знаешь, что я постоянно виню себя во всём. К сожалению, я не научилась пока жить иначе, и мне очень больно из-за того, что нам придётся расстаться. Я не хочу с тобой расставаться даже на два дня... да что там, даже на час, а что говорить о грядущей разлуке? Мне больно, и я виню себя, что нам придётся расстаться. Я... я, конечно, хочу, чтобы малышка родилась здоровой, чтобы мы оба её любили и оберегали. но... прошу, пожалуйста, не расстраивайся так. Я... обещаю, что постараюсь через две недели приехать к тебе в Пекин.

Она слезла с его колен и, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу и изменить неловкое молчание, поставила чайник на огонь и вылила остывший чай из кружек. И начала с особой тщательностью и вдумчивостью мыть их.

Тору Мотидзуки

Яреци сообщила, что перебрала его вещи и отобрала те, что ему необходимо было взять с собой, и Тору с трудом сдержался от печального вздоха. Складывалось такое впечатление, что она уже давно собиралась от него избавиться, отправив в Пекин, как это было, когда он решился по ее настоянию покинуть Японию в поисках подходящей работы. И хоть Тору понимал, что подобное рассуждение пахнет полным бредом, ему все равно продолжало казаться, что его привязанность намного сильнее, и что временами он начинает душить девушку своей любовью.

- Яри, не вини себя. Ты все правильно решила, а я просто дурак, ты же знаешь. - Тору хотел хоть как-то скрасить свое подростковое поведение. - Несдержанный

дурак, который только и умеет, что искать везде проблемы. И не надо рисковать и приезжать ко мне. Я сам за тобой вернусь, как только смогу. Я не хочу, чтобы ты совершала опасное путешествие в Пекин без моего присмотра. Если что, будем держать связь через Джуна.

Тору не смог долго смотреть на то, как Яреци отчищает от чашек несуществующую грязь. Поэтому после пары секунд подобного зрелища, он поднялся, подошел к жене и обнял ее сзади, показывая, что был неправ, раздув трагедию из своего отъезда. Наверное, большую часть своей жизни он только и делал, что допускал всевозможные ошибки, но сейчас ему очень не хотелось мучить любимую женщину только из-за того, что он сам не мог собраться и перебороть свои разыгравшиеся эмоции.

Яреци Фернандез

Когда он её обнял, она вздрогнула от неожиданности и чуть не уронила чашку. Фыркнула и, поставив её в мойку, повернулась и посмотрела в его глаза. Печальные. А ещё в них плескалось раздражение. Скорее на себя, чем на неё. Она глубоко и шумно вздохнула. Вечер рисковал превратиться в депрессивный, они заснут с плохим настроением, проснутся с плохим настроением. Он уедет с плохим настроением в Пекин. А она... а она постарается чем-то заняться здесь. До наступления зимы осталось не так много, начнётся последний триместр, и она, если будет себя хорошо чувствовать, попробует сдать экзамен на звание младшего мастера. Не то, чтобы ей очень хотелось быть младшим мастером, просто это всё равно какая-то деятельность. Хотя... она всё равно отсюда уедет, если позволит состояние. Может, действительно пока не стоит заморачиваться на этом?

- Мы с тобой оба эгоистичные идиоты, Тору, - она печально усмехнулась. - Я не знаю, что делать, какое решение будет правильным. Я... я понимаю, что если попрошу тебя остаться здесь и ты из-за этого потеряешь работу, тебе будет грустно. Где-то там, глубоко в сердце, - она положила руку на его грудь, - ты будешь страдать. А я... я буду страдать, что не дала тебе возможность заниматься любимым делом. Я... может, это неправильно, но я... до сих пор хочу, чтобы ты был счастлив... разносторонне. И со мной, и делая работу, которая тебе нравится.

Вопрос денег тоже был, но он стоял не так остро. У неё было наследство от папы, да и по слухам дядя Рикардо переписал своё завещание в её пользу. Но она не будет просто так сидеть и ничего не делать. Если даже она не поступит в институт, есть курсы, есть разные программы. Она обучится на художника, будет писать портреты, это тоже принесёт какой-нибудь доход. Что касается наследства, которое Тору оставил отец, то она влезать в это совершенно не хотела. Она хотела просто, чтобы любимый мужчина жил счастливо с ней и их маленькой дочкой. Она должна найти какой-то выход, чтобы эта разлука не показалась ему очередной трещиной в и без того хрупком браке.

Тору Мотидзуки

Яреци явно не ожидала его объятий, поэтому от неожиданности опасно звякнула чашкой о раковину прежде чем повернуться и внимательно посмотреть в его глаза. Ей явно не нравилась царящая в их доме атмосфера, но он никак не мог изменить ее кардинальным образом, поскольку был не самым позитивным человеком на

свете. Наверное, девушке стоило найти себе кого-то вроде Джуна, умеющего улыбаться даже в тот момент, когда ему приходилось испытывать физические и психические страдания, но ее угораздило влюбиться в него - мрачного немолодого мужчину, цепляющегося за нее, словно за спасительный круг.

- Любимая моя, - Тору хотел пометить в свои слова всю нежность и любовь, которую испытывал к своей жене, тем более что она сама не стеснялась называть его подобным образом. - Я счастлив уже от того, что ты есть в моей жизни, поэтому перестань думать всякие глупости и не забывай, что лучше всего мне рядом с тобой. Не переживай, не хочу хвастаться, но я достаточно умен, чтобы найти себе новую работу. В конце концов, я всегда смогу зарабатывать своим телом... Не подумай ничего дурного, я имею в виду тренировки. Да и в моем возрасте, в другом смысле, я уже не слишком котируюсь.

Тору замолчал и прижал жену к себе. Ну и пусть, что все шло совсем не так, как ему бы хотелось. В любом случае, он получил намного больше, чем мог рассчитывать, и временная разлука в совокупности с длительным воздержанием никак не могла сравниться с пустотой и холодом одиночества, к которому он начал привыкать до того момента, как в его жизни появилась Яреци.

Яреци Фернандез

Наверное, его мама была права, когда в первую встречу сказала подумать, а что будет лет через десять или пятнадцать. И вот сейчас она задумалась, сраженная его словами. Он был хорошим мастером боевых искусств, он любит махать своим оружием и получает от этого удовольствие. Он преподает в институте. Ему это нравится. Она надеялась, что ему это нравится. Но было что-то другое, что сильно давило на их брак. Ее возраст? Его возраст? Что же?

Он ее обнял, и она крепко обняла его в ответ. Хотя от его обращения к ней стало как-то не по себе. Не то, чтобы она не ждала таких нежных слов, просто... ему это не подходило. Лучше пусть он называет ее по имени.

- Милый, я... действительно не знаю, что нам делать. Но... сколько еще ты сможешь махать своим оружием? Мои слова, наверное, покажутся резкими, но подумай о нашем будущем. Что с тобой будет, если ты вдруг неудачно оступишься и... пострадаешь? Я... не уверена, что ты сам захочешь такой жизни. Я не брошу тебя, любимый, я буду тебя поддерживать. Я не отговариваю тебя от твоего любимого занятия, просто... пойми, пожалуйста, мне... страшно, что если тебе нужна будет помощь меня рядом не окажется. Ты сказал, что достаточно умен, чтобы найти работу, ты образован, начитан, ты можешь преподавать в институте. Я буду заниматься воспитанием нашей дочки, буду тебя всегда поддерживать. Я хочу получить образование, работать. Я не хочу быть зависимой от тебя.

Она крепко его обняла и стала страстно целовать. Так не хотелось расставаться...

Тору Мотидзуки

Слова Яреци отдались в груди тупой болью. Тору прекрасно понимал, что с появлением семьи он больше не мог вести тот образ жизни, к которому привык, мотаясь по разным городам и странам и постоянно меняя работу. Следовало

подумать о стабильности и постоянном месте жительства. Точнее, о втором месте жительства, поскольку Тору не собирался отказываться от возможности при желании вернуться в монастырь, отдохнуть от суеты большого города и в очередной раз убедиться, что на этом свете существуют удивительные вещи, которым можно научиться, приложив должное старание.

- Яри, не волнуйся за то, что я могу покалечиться. Даже если и произойдет какая-нибудь неприятность, здесь, в Линь Ян Шо, меня всегда смогут поставить на ноги. Но я понимаю, о чем ты говоришь и постараюсь, чтобы у нашей семьи была стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Что же касается твоей учебы, мы обязательно решим этот вопрос после рождения ребенка. Я не собираюсь запираить тебя дома и превращать в домохозяйку, как это принято у многих моих соотечественников.

Тору уже "наелся" историей со страдающей из-за отсутствия возможности заниматься тем, чем бы ей хотелось, женой. И он не планировал еще хоть один день прожить с ужасным ощущением вины и того, что ты, сам того не желая, мучаешь близкого человека одним своим существованием.

Ему было что еще добавить к своим словам, но тут Яри взяла инициативу в свои руки и снова начала его целовать, рождая желание закончить с разговорами и перейти к чему-то более интересному. Пусть он пока и пытался гнать от себя непрощенные мысли и из последних сил держал себя в руках.

- Яреци, - Тору воспользовался небольшим перерывом, чтобы высказать все, что думает по этому поводу. - Я нормальный здоровый мужчина, и если ты продолжишь в том же духе, то меня не остановит история с твоим утренним недомоганием.

В глубине души Тору хотел, чтобы Яри не останавливалась, но он старался не потакать своим эгоистичным желаниям и больше думать о здоровье жены и дочери, пусть это и давалось ему нелегко.

Яреци Фернандез

Может, надо его отпустить и не переживать за то, что он может пострадать или заболеть. Или с ним еще что-то случится. Он взрослый человек, и она не имеет права заботиться о нем как о маленьком ребенке. У нее скоро родится маленькая дочка, она будет заботиться о ней. А Тору... так хочется, чтобы он чувствовал себя дома. Даже если его от дома разделяют тысячи километров и месяцы разлуки. Как же этого добиться? Есть любовь на расстоянии?

Ей так нужен был совет папы или мамы, и от осознания того, что это невозможно, хотелось выть. Папа далеко, с ним постоянно созваниваться не получится не только из-за того, что здесь нет связи, а из-за разницы во времени. Когда здесь было утро в Испании была ночь. А потом в Испании наступало утро, а здесь наступал вечер. А потом папа работал, а на работе он не пользуется телефоном. А мама... та ей больше не звонила и не интересовалась её жизнью. Это было тяжело и больно осознавать, и она не понимала, почему так. Она могла понять, но не хотела.

- Как я не могу за тебя не переживать? Ты - мой муж. Нет, ты - мой любимый

человек. А потом уже муж. А за любимых, мне кажется, переживают сильнее. И любят сильнее. А я тебя люблю. Сильно-сильно. Конечно, я буду переживать, но я буду это делать осторожно.

Она хотела добавить ещё много всего, что если ему вдруг станет плохо или ещё какое-нибудь недомогание его настигнет, он сразу обращался к врачам. Но она вовремя себя одёрнула, посчитав, что всё-таки они разлучаются не на несколько лет. а максимум на месяц. Она с завтрашнего дня будет усиленно наблюдаться у врачей, и как только кто-нибудь ей скажет, что она может лететь на самолете, то сразу уедет. Сообщит Тору, подождёт его, чтобы он вернулся и забрал её к себе. Пусть на съёмную квартиру, но она будет с ним. И ей будет спокойней, что он тепло оденется или будет спать под тёплым одеялом в холода.

Она не стала надолго отрываться от поцелуя и объятий и, только затушив огонь под кипящим чайником, вернулась к любимому, продолжая это прекрасное занятие. По крайней мере, ей самой это нравилось больше, чем тяжёлые разговоры о жизни и предстоящей разлуке.
